

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1960. – 351 с.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1989. – 214 с.

Худяков Ю.С. Исследования в долине р. Катунь // АО 1997 года. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 326.

Худяков Ю.С. Бронзовые зеркала из курганов пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в Горном Алтае // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. – С. 94 – 102.

Худяков Ю.С., Миронов В.С. Раскопки курганов пазырыкской культуры на памятниках Кок-Эдиган и Тянгыс-Тыт в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5: Материалы VII годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1999 г. – С. 537 – 541.

Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 320 с.

Материал поступил в редколлегию 01.10.01 г.

УДК 903.27

Т.Н. Троицкая, А.П. Овчаренко*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия
Тел. (8-383-2) 68-00-01*

КАНТ В ИЗОБРАЖЕНИЯХ, ВЫПОЛНЕННЫХ В УРАЛО-СИБИРСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

Введение

Урало-сибирский звериный стиль уже давно привлекает внимание специалистов. Ему посвящены работы В.А. Оборина [1976; Оборин, Чагин, 1988] и Л.С. Грибовой [1975]. Вопросы, связанные с урало-сибирским звериным стилем, рассмотрены в исследованиях Л.В. Чижовой [1983], Р.Д. Голдиной [1985] и др. Значительное количество материала, характеризующего этот стиль, приведено в книге “Угорское наследие” [1994]. В публикациях анализируются в основном зоо- и антропоморфные изображения, их семантика, стилистические особенности. Однако пермский и западносибирский звериный стиль настолько богат и разнообразен, что еще долгое время будет служить источником для размышлений и объектом исследований.

До сих пор отсутствует анализ такой изобразительной особенности, как кант, встречающийся на преобладающей части изделий. Эта деталь может иметь значение для датировки предметов и определения их принадлежности к урало-сибирскому звериному стилю. Вопрос о кантах в данном художественном стиле был поднят в 2000 г. Т.Н. Троицкой в докладе на международной археологической конференции “Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в.” [2000, с. 290 – 292]. В предлагаемой публикации мы постараемся развить высказанные здесь идеи и более детально остановиться на некоторых аспектах оформления предметов бронзового литья. Основная задача статьи – выделить выполненные в урало-сибирском зверином, или “пермском”, стиле изделия торевтики, среди которых имеются зоо- и антропоморфные изображения, украшенные своеобразным кантом из мелких квадратов, ромбов, окружностей или овалов.

Типология кантов и их датировка

Согласно определению, предложенному в “Словаре иностранных слов”, кант – это узкий цветной шнурок или полоска ткани, наложенные по краю или шву одежды, а также полоска, которая окаймляет в виде рамки рисунок, таблицу и т.п. В торевтике кант – узкая полоса, окаймляющая изделие или подчеркивающая его отдельные детали. Мы будем рассматривать не канты вообще, поскольку ленты из окружностей, квадратов и других фигур встречаются в достаточно широком хронологическом и территориальном диапазоне и могут относиться к разным культурам, а лишь те из них, которые зафиксированы на изделиях поморской, ломоватовской, потчевашской, релкинской, верхнеобской, оронтурской, усть-ишимской и других лесных и лесостепных культур и выполнены в урало-сибирском зверином стиле [Финно-угры и балты..., 1987, табл. 60, 70, 71, 78, 81, 82 и др.]. Эти канты являются одной из основных особенностей урало-сибирского стиля. Они встречаются на большей части зоо- и антропоморфных изделий и распространены лишь на определенной территории – в лесной и лесостепной (северная часть) полосах Урала и Западной Сибири. Западнее этой территории данный орнаментальный мотив встречается редко. Такой орнамент известен у вети на коньковых подвесках и бляхе с всадником начала II тыс. н.э. [Голубева, 1987а, табл. 20, 21; 1987б, табл. 41, 5, 8]. Л.А. Голубева связывает их происхождение с Прикамьем [Там же, с. 59], на территорию которого приходится наибольшее количество изделий, выполненных в этом стиле [Оборин, 1976; Голдина, 1985]. Самые восточные находки связаны с Ачинско-Мариинской степью, они зафиксированы в Айдашинской пещере [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, табл. VI, XX – XXII]. Известны

они в Приишимье [Матвеева, 1994, рис. 69, 70] и в Среднем Прииртышье [Кони-ков, 1993, рис. 40 – 42, 44, 45 и др.]. В Приобье изделия урало-сибирского стиля наиболее часто находят на памятниках потчевашской, релкинской и оронтурской культур [Чернецов, 1953, табл. IV, XII; 1957, табл. VII, VIII, XVIII и др.; Чиндина, 1991, рис. 21, 22]. Встречаются они в Томском и Новосибирском Приобье и относятся к верхнеобской культуре [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 60, 63, 73, 78, 79; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 18, 19]. Южнее, в степном Алтае, подобные изделия пока не обнаружены.

Проводимый в статье анализ сделан на основании изучения 186 плоских и объемных изображений, выполненных в урало-сибирском зверином стиле, из них 59 западносибирских блях были осмотрены в музеях Томска, Новосибирска, Омска и Тюмени, остальные (уральские, прикамские, а также находки из Айдашинской пещеры и материалы, хранящиеся в Екатеринбурге) изучены по публикациям. Антропоморфные изображения в статистику не вводились. Анализируемые изделия были предназначены для длительного использования. Об этом свидетельствуют прочные петли для их крепления на одежде и форма в виде браслетов.

Остановимся на происхождении и хронологических рамках распространения описанных кантов. В Прикамье самый ранний образец с кантом – бляха с изображением головы медведя из Гляденовского костяка (рис. 1, 6). Она датируется II – III вв. н.э. [Оборин, 1976, табл. 25]. Происхождение кантов в этом регионе можно связывать с имитацией витых жгутиков типа тех, которые составляют вписанные окружности на круглых бляхах эполетообразных застежек [Генинг, 1970, табл. XII – XIV].

Наибольшее распространение изделия с кантами получили в V – VII вв. н.э. Верхняя дата для разных регионов различна. Так, на Урале, в Среднем и Нижнем Прииртышье предметы с кантом, принадлежащие первой половине II тыс. н.э., находят в памятниках родановской, усть-ишимской и кинтусовской культур [Финно-угры и балты..., 1987, табл. 66, 71, 82, 89]. В Новосибирском и Томском Приобье изделия, выполненные в урало-сибирском зверином стиле, исчезают к VIII в., что было обусловлено появлением тюрков и их влиянием. Тогда же или, быть может, несколько позже такие изделия исчезают

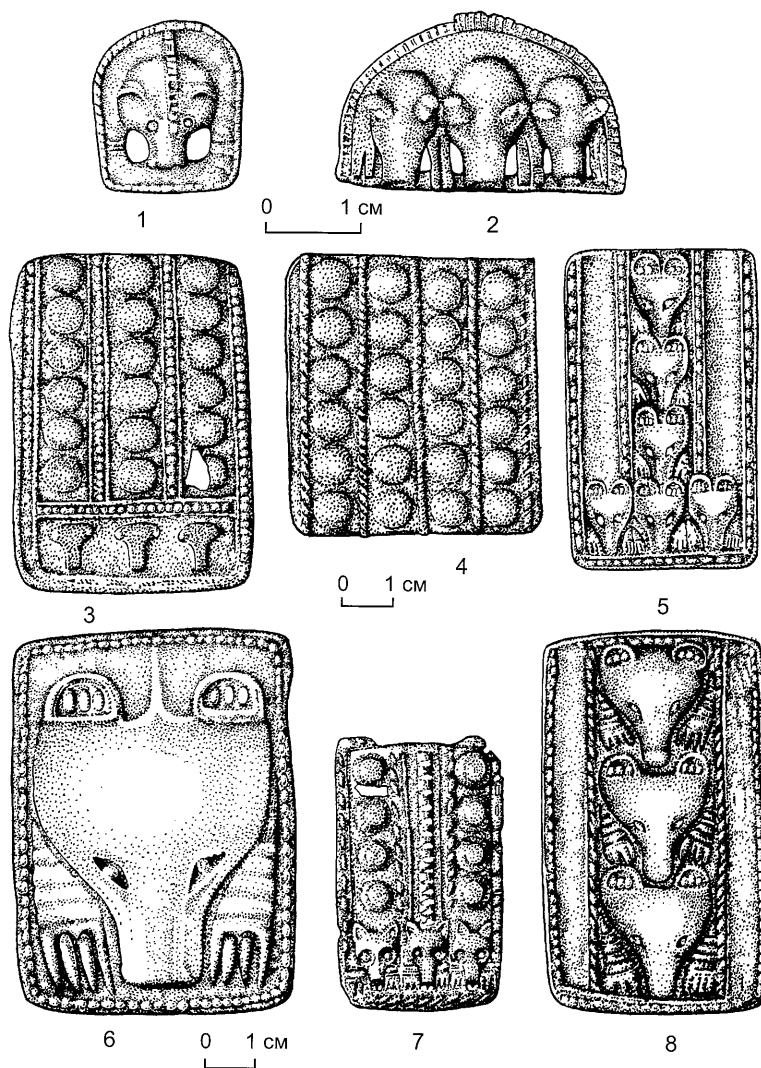

Рис. 1. Бляхи с изображением медведей.

1, 2, 5, 6 – Прикамье; 3 – Айдашинская пещера; 4 – п-ов Ямал; 7, 8 – Новосибирское Приобье (7 – случайная находка; 8 – Красный Яр-1).

и в Среднем Приобье. Здесь же обнаружены единичные образцы звериного стиля, относящиеся к началу II тыс. н.э. (рис. 2, 6). Речь идет о браслете с изображением медведей в жертвенной позе [Яковлев, 1993, с. 151]. Можно подчеркнуть, что изделия, выполненные в урало-сибирском зверином стиле, не найдены в зоне распространения тюркского влияния.

По способу изготовления канты делятся на три группы. К первой следует отнести ленты из процарапанных фигур. На модели, чуть отступив от края, проводили (процарапывали) две параллельные линии, пространство между которыми нарезали на квадраты и прямоугольники. Именно так подчеркнуты крылья хищной птицы, запечатленной на одной из блях (рис. 3, 3). Процарапанные канты чаще

Рис. 2. Образцы торовтики с кантами.

1 – могильник Тимирязевский II; 2 – могильник Релка; 3 – Липкинский могильник;
4 – могильник Окунево; 5 – Васюганский клад; 6 – могильник Аксеново.

всего оконтуривали либо всю бляху, либо ее часть (рис. 3, 4). Такими кантами изображали гриву лошади [Оборин, 1976, табл. 36].

Значительно чаще встречаются канты второй группы. На восковой модели прочерчивались две параллельные линии, между которыми на углубленном фоне размещался ряд мелких геометрических фигурок. Характерно, что фигурки возвышались только над этим фоном, а не над уровнем самой бляхи. Они могли быть круглыми или овальными (см. рис. 1, 3, 5), прямоугольными или квадратными (см. рис. 3, 4, 6). Иногда фигурки делали ромбическими; они, судя по всему, имитировали витой шнурок (см. рис. 1, 4, 7). На одной бляхе могли сочетаться овальные, круглые, ромбические и прямоугольные фигурки (см. рис. 1, 8). Подобные канты обычно оконтуривали бляху, выполненную в зверином стиле, с четырех или трех сто-

рон. В ряде случаев процарапанные линии не прямые, а замкнутые, и очерчивали картуш, внутри которого находились мелкие геометрические детали. Картуши могли быть длинными, узкими, каплевидными. Удлиненными замкнутыми картушами обычно передавали птичье оперение (см. рис. 2, 4, 5), а крупными каплевидными – крылья водоплавающих птиц (см. рис. 2, 3). Прямоугольный картуш изображен на бляхе из памятника Высокий Борок (см. рис. 3, 1).

Третью группу составляют канты, полученные путем наложения у края восковой модели полоски. Она слегка возвышалась над общим уровнем бляхи. На полоске процарапывались короткие линии, делящие поверхность на мелкие квадраты или прямоугольники (см. рис. 1, 1, 2). Часто полоска выглядела как псевдожгут. Кант третьей группы обычно представлял собой рамку, в которой было заключено изображение [Оборин, 1976, рис. 57]. Известен еще один способ, с помощью которого детали канта слегка возвышались над общим уровнем. Сначала на модель орудием типа стамески наносили желобок, а затем на его дно прикрепляли кусочки воска, имевшие форму прямоугольников, квадратов, овалов и т.д. (см. рис. 3, 5). На одном изделии могут быть разные канты. Так, на пронизке с изображением птицы-медведя встречены

канты, изготовленные первым и вторым способами (см. рис. 3, 4).

Канты могут оконтуривать не только всю бляху, но и ее отдельные части. Так, на бляхах с медведями канты тянутся по всему краю изделия и ограничивают с двух сторон вертикальный ряд голов (см. рис. 1, 8). На бляхах с горизонтальным расположением медвежьих голов кант разделяет ряды крупных овальных выступов (см. рис. 1, 3). На изображениях медведей кант может располагаться вдоль спины животного и как бы обрамлять его фигуру или отделять лапы, голову животного (см. рис. 2, 1). По мнению некоторых исследователей, канты на шее и лапах имитируют ожерелье и браслеты. Подобные украшения, надеваемые на медведя в честь медвежьего праздника, известны по этнографическим параллелям. Так, В.Ф. Карьялайнен сообщает, что у угров существовал обычай украшать шею

убитого медведя воротником, вышитым бисером, а пальцы – кольцами [1996, с. 152 – 153].

Остановимся отдельно на бляхе в виде фигуры медведя, найденной недалеко от Новосибирска при раскопках оборонительной системы позднекулайского городища III Кордон-1 (см. рис. 3, 6). Изображение бляхи неоднократно публиковалось [Росляков, 1990, с. 62 – 63; Молодин, 1992, с. 35, рис. 27; Троицкая, Дураков, 1995, с. 30, рис. 2, 3]. С.Г. Росляков отнес находку к кулайской культуре, поскольку она была найдена на кулайском городище. В.И. Молодин датирует фигурку в пределах первой половины I тыс. н.э. Т.Н. Троицкая и И.А. Дураков, исходя из того, что для техники ее литья характерно отсутствие дополнительного питателя (полоска, соединяющая морду и лапы животного), связывают данную бляху с кулайской культурой. Однако, учитывая все особенности бляхи, в т.ч. характер нанесенного на ней канта, ее нужно отнести к периоду расцвета данного стиля на лесостепной территории – к VI – VII вв. н.э., а изображенную на спине медведя фигуру можно считать птицей.

Канты использовали не только для изображений, выполненных в зверином стиле. Они столь же широко представлены и на антропоморфных бляхах. Здесь процарапанными кантами изображались ремни, разрез ворота, часть пояса стыдливости, ожерелья, браслеты и т.д. [Оборин, 1976, табл. 63, 64, 66 – 70].

Ложновитой кант оконтуривал фигуры людей и человекозверей. Кантом изображали бороды людей [Там же, табл. 65].

Иногда типичные для пермского стиля канты можно видеть на бляхах, не имеющих изображений зверей или людей. Это подпрямоугольные бляхи с рядами крупных овальных выпуклостей – “перлов”, или “жемчужин” (см. рис. 2, 4). Ряды отделены друг от друга кантами в виде ложновитых жгутиков. Такие же канты обрамляют бляху с двух сторон. Как нам кажется, такие бляхи имеют непосредственное отношение к звериному стилю, к культу медведя. Дело в том, что точно так же выглядят бляхи с изображением трех расположенных горизонтально голов медведя. Таких рядов овалов чаще всего два

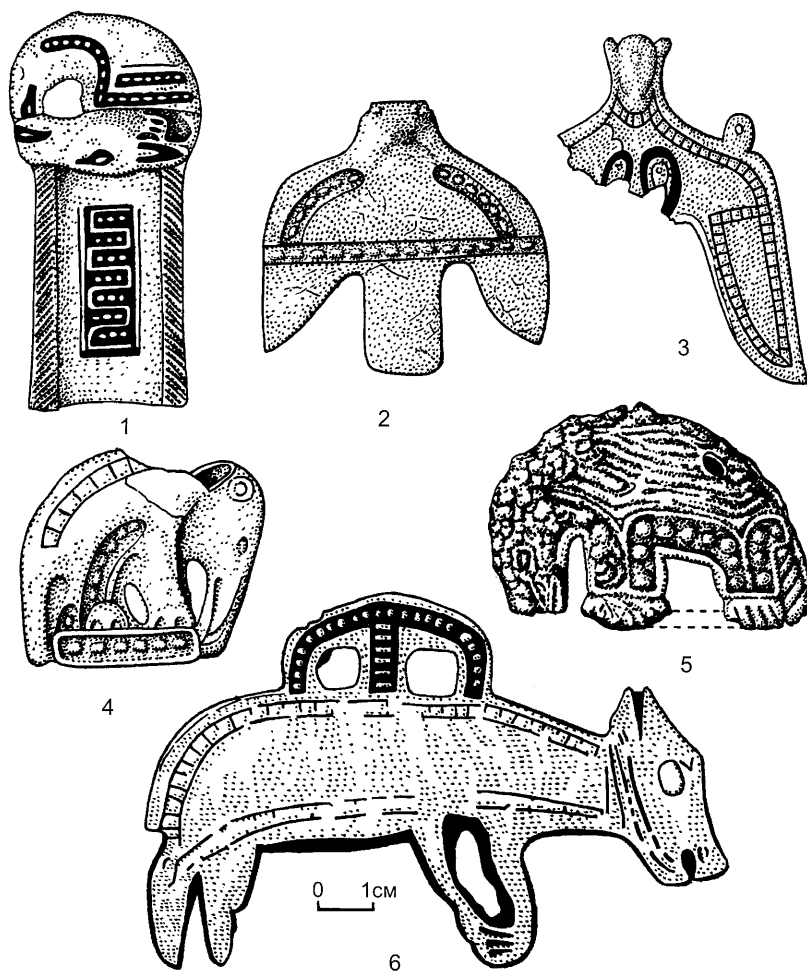

Рис. 3. Изделия с кантами из курганных могильников Новосибирского Приобья.

1, 3 – Высокий Борок; 2 – Юрт-Акбалык-4; 4 – Ордынское-1; 5 – Старобибеево-6; 6 – III Кордон-1.

(см. рис. 2, 7), а на бляхе из Айдашинской пещеры их три (см. рис. 1, 3). Вероятно, в представлениях людей I тыс. н.э. ряды овальных выпуклостей (“перлы”) неразрывно связывались с почитанием медведя.

Выводы

Из всего вышесказанного следует, что характерной и неотъемлемой чертой урало-сибирского звериного стиля является кант, состоящий из мелких квадратиков, прямоугольников, овалов или ложновитого шнура. Он бытовал с IV – V по VIII в. н.э. на территории лесостепи и до XII – XIII вв. на лесном пространстве. Такой же кант украшал и антропоморфные изображения.

Список литературы

- Беликова А.Б., Плетнева Л.М.** Памятники Томского Приобья в V – VIII вв. н.э.: – Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – 244 с.
- Генинг В.Ф.** История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. – 1970. – Вып. 10. – 258 с.
- Голдина Р.Д.** Ломоватовская культура в Верхнем Приобье. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1985. – 280 с.
- Голубева Л.А.** Весь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987а. – С. 52 – 64.
- Голубева Л.А.** Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987б. – С. 107 – 115.
- Грибова Л.С.** Пермский звериный стиль: Проблемы семантики. – М.: Наука, 1975. – 148 с.
- Карьялайнен В.Ф.** Религия югорских народов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – Т. 3. – 264 с.
- Конилов Б.А.** Тасжное Прииртышье в X – XIII вв. н.э. – Омск: ОГПИ, 1993. – 324 с.
- Матвеева Н.П.** Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.
- Молодин В.И.** Древнее искусство Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 190 с.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н.** Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 268 с.
- Оборин В.А.** Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1976. – 192 с.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.** Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 184 с.
- Росляков С.Г.** Новые находки плоского литья в Новосибирском Приобье // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. – 1990. – Вып. 2. – С. 62 – 63.
- Словарь иностранных слов.** – М.: Русский язык, 1984. – 608 с.
- Троицкая Т.Н.** Кант в орнаментации торевтики раннего средневековья // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI века. – Ижевск: Изд-во ИжГУ, 2000. – С. 290 – 292.
- Троицкая Т.Н., Дураков И.А.** Профильные изображения медведей из Новосибирского Приобья // Традиции и инновации в истории культуры. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. – С. 26 – 32.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 150 с.
- Угорское наследие.** Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 160 с.
- Финно-угры и балты** в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – 512 с.
- Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья // МИА СССР. – 1953. – Вып. 35. – С. 121 – 178.
- Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА СССР. – 1957. – Вып. 58. – С. 136 – 245.
- Чинова Л.В.** Идеология древнего населения Урала и Западной Сибири по материалам культового литья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1983. – 16 с.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. – Томск: Изд-во ТГУ, 1991. – 182 с.
- Яковлев Я.А.** Первая находка браслетов “обского” типа в Нарымском Приобье // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. – СПб.: ИИМК РАН, 1993. – Ч. 2. – С. 143 – 151.

Материал поступил в редколлегию 18.09.01 г.